

ПАМЯТИ Д.Е. МАКСИМОВА

(1904–1987)

“В ряду литературных и вообще эстетических направлений близкого нам времени символизм – одно из наиболее духовных. Он ценен, несмотря на то, что в иные времена снижался до моды, а иногда до нигилистического эстетизма. В нашу эпоху, когда бездуховность грозит завладеть человечеством, затопить весь его кругозор, опыт символизма для нас особенно важен”. Эти слова, написанные Дмитрием Евгеньевичем Максимовым незадолго до смерти¹, последовавшей 13 марта 1987 г., могли бы стать эпиграфом ко всей его многолетней научной деятельности, ибо в них заключено то, что было ее побудительной причиной и конечной целью: стремление высветлить нравственное начало искусства, проследить связь между поэзией и “позицией” художника, найти меру духовной ценности каждого эстетического явления.

Уже в начале 1920-х годов, студентом Петроградского университета, Д.Е. Максимов увлекается поэзией начала века. Этому способствовала духовная атмосфера тех лет, в которой, как вспоминал позднее Д.Е. Максимов, главенствующее место занимали стихи. “Эпоха расцветала невиданной поэзией, связанной с поэзией предшествующей и противопоставленной ей”². Д.Е. Максимов называет властителей дум и вкусов того времени – Блока, Белого, Сологуба, Гумилева, Брюсова, Ахматову. Верность этим поэтам ученый сохранил до конца своих дней. Он не свернул с избранного им пути ни в 30-е, ни в 40-е годы, столь малоблагоприятные для изучения символизма; как будто не считаясь с требованиями и инвективами эпохи, он продолжал размышлять и писать о Блоке и Брюсове. Ученому приходилось проявлять немалую стойкость и мужество в борьбе за право быть самим собой и говорить о любимых поэтах так, как диктовали ему его знания, разум и совесть, а не в угоду конъюнктурным установкам и проработочным “программам”.

В послевоенное время Д.Е. Максимов вел в стенах Ленинградского университета первый в стране “блоковский семинар”, из которого вышли хорошо известные ныне ученые – специалисты по истории русской литературы начала XX в. В автобиографическом очерке “О себе” Д.Е. Максимов с волнением вспоминает о тех “дружественных вечерах”: “В них была молодость и поэзия, и поднимающееся над нами имя!” К концу своей жизни Д.Е. Максимов получает широкое признание как один из наиболее

тонких знатоков русской поэзии “серебряного века”, как авторитетнейший исследователь русского символизма.

В кругу многочисленных научных тем, к которым было приковано внимание Д.Е. Максимова, следует выделить одну, сопровождавшую его на протяжении долгих лет, – символистская журналистика. Ей было посвящено его дипломное сочинение «“Северный вестник” и символисты» (1926), впоследствии напечатанное в виде отдельной статьи³; с ней связаны и последующие занятия Д.Е. Максимова, посвященные прежде всего главному печатному органу московских символистов, журналу “Весы”. Собирая материал для монографии о “Весях”, молодой ученый обратился за помощью к Иоанне Матвеевне Брюсовой. В своем первом письме к ней (от 5 апреля 1930 г.) он благодарит вдову поэта за “любезное разрешение предоставить доступ в архив Валерия Яковлевича” и сообщает о своем скором приезде в Москву. Многочисленные письма Д.Е. Максимова к И.М. Брюсовой (их переписка длилась почти до самой смерти Иоанны Матвеевны в 1965 г.) помогают восстановить историю его основных работ, связанных с именем Брюсова⁴.

В январе 1931 г. Д.Е. Максимов сообщает Иоанне Матвеевне, что его статья о “Весях”, “предваряющая собой отдельно о них книгу”, должна появиться в ближайшие месяцы. При содействии вдовы поэта он пытается установить отношения с еще здравствовавшими в то время участниками “Весов”, прежде всего с их редактором-издателем С.А. Поляковым⁵. Законченная в 1931 г., статья о “Весях” предназначалась для одного из сборников Академии наук. Однако 28 июля 1932 г. Д.Е. Максимов известил И.М. Брюсову, что статья “не пойдет”. В то же время он пытается опубликовать «Материалы к изучению “Весов”» в одном из сборников “Звенья”, которые редактировал В.Д. Бонч-Бруевич.

В 1933 г. Д.Е. Максимов был выслан из Ленинграда на вольное поселение в Нарымский край сроком на три года. Авторам этих строк Д.Е. Максимов рассказывал, что эта акция была вызвана тем, что он оказался близким знакомым Р.В. Иванова-Разумника, арестованного в феврале 1933 г. по сфабрикованному обвинению в создании “идейного центра народничества”. Однако вмешательство В.Д. Бонч-Бруевича способствовало скорейшему возвращению молодого ученого в Ленинград. “Позвольте Вас горячо поблагодарить за то участие, которое Вы приняли в моей судьбе, – писал Д.Е. Максимов Бонч-Бруевичу 25 июня 1934 г. – В настоящее время все неприятности, меня постигшие, улажены. Постановлением ЦИК (в начале этого года) я реабилитирован и возвращен в Ленинград. После невольного десятимесячного отдыха вновь приступаю к литературной работе”. В том же письме Д.Е. Максимов спрашивает, как решился вопрос относительно его статьи о “Весях”, и добавляет, что хотел бы обработать имеющиеся у него материалы по символизму не в виде “документальной” статьи, а в форме “социологического исследования”⁶. Но ни одна из его работ так и не появилась в “Звеньях”.

«Последнее время символизмом я занимался оч(ень) мало, – сообщает Д.Е. Максимов И.М. Брюсовой 5 января 1935 г. – Та работа моя о “Весях”, о которой мы когда-то с Вами говорили, до сих пор еще не пошла, хотя, кажется, и принята к печати. (...) В настоящий же момент я приступил к большой работе уже по специальному заказу (ergo: дело беспроеигрышное) на тему о расколе в символизме 1907–1909 гг. В эту статью войдут скопированные мною у Вас письма». Однако “беспроеигрышное дело” также расстроилось. Единственное, что удалось Д.Е. Максимова напечатать о Брюсове в 1934–1936 гг., была небольшая рецензия на книгу “В. Брюсов. Неизданная проза” (М., 1934), подготовленную И.М. Брюсовой и И.С. Поступальским⁷.

«Моя работа над Вал(ерием) Яковл(евичем) постоянно натывается на препятствия, – жалуется Д.Е. Максимов Иоанне Матвеевне 21 апреля 1936 г. – Не знаю, будет ли когда-нибудь мое упорство в ней вознаграждено. Пока что оснований к этой надежде мало. Вот “Звезда”, например, чуть не год маринует письма В(алерия) Я(ковлеви-ча) к Перцову с моей вступительной статьей (...) Через месяц должен сдать статью о Вал(ерии) Я(ковлеви)че (2 1/2 печ(атных) л(иста)) в “Литератури(ую) Учебу”. Такого же типа, как о Блоке (ее я Вам присылал). Очень боюсь, чтобы не сказать о Вал(ерии)

Як(овлеви́че) что-нибудь Вам неприятное. Вот Любовь Дми́тр(иевна) за статью о Блоке меня чуть не проклѣла»⁸.

Упомянутая в письме статья для “Литературной учебы” увидела свет лишь год спустя (1937, № 5); она была озаглавлена “Поэзия Валерия Брюсова” и представляла собой ядро будущей книги того же названия, уже задуманной ученым: “Разработка творчества Брюсова – для меня большое и личное дело, к которому я еще вернусь”, – писал он И.М. Брюсовой 5 ноября 1937 г. Впрочем, появление в печати его первой большой работы о Брюсове не вызвало у Д.Е. Максимова особой радости. «...Авторство свое признаю лишь отчасти, – писал он И.М. Брюсовой 15 июля 1937 г., – т(ак) к(ак) редакция “Лит(е-ратурной) учебы” позволила себе 1) выкинуть около 1 1/2 печ(атного) листа моего текста, 2) испортить отдельные места и даже 3) вставлять свои фразы. Причем: все эти правки сводились большей частью к преуменьшению той оценки Вал(ерия) Як(овлеви́ча), которая была дана в моей статье». Иоанна Матвеевна, со своей стороны, также не одобрила этой статьи; в своем письме к Д.Е. Максиму (октября 1937 г.) она упрекала его в вульгарно-социологическом подходе и даже в “неискренности”⁹. Эту критику ученый воспринял болезненно. «Конечно, она очень обезображена редакцией, – пишет он И.М. Брюсовой по поводу своей статьи 20 октября 1937 г., еще до получения ее развернутого отзыва, – но все же (...) не стала от этого “вульгарно-марксистской”. Это мое твердое убеждение, которое я готов отстаивать»¹⁰. Более подробно и горячо обосновывает Д.Е. Максимов тогдашнее свое отношение к Брюсову в письме от 26 ноября 1937 г., чрезвычайно важном для характеристики ученого – всегда отличавшее его стремление к научной честности, ответственности и бескомпромиссности суждений выражено здесь с предельной ясностью:

«В своих работах, – пишет Д.Е. Максимов, – я могу ошибиться, могу увлечься и допустить промахи, но неискренним я не буду никогда. Лучше совсем не заниматься литературой, чем унизиться до литературного лицемерия. И в этом отношении я отвечаю за каждое слово своей статьи о Вал(ерии) Як(овлеви́)че.

Вы правы в том, что главной моей задачей было приблизить к нам Брюсова – критика и теоретика, заставить звучать его творчество для нашей советской современности. Задача эта трудная. Многие люди огромного таланта и даже гении отделены теперь от нас громадным расстоянием, и творчество их воспринимается как живое культурное наследство лишь ограничительно. Вспомните Достоевского, Фета и ему подобных. {...}

Всякую фальсификацию образа В(алери)я Я(ковлеви́)ча, перенесение образа Брюсова-коммуниста в образ Брюсова-символиста – я считал бы неуважением к его памяти. Наша любовь к Брюсову, сознание его литературного масштаба заставляет нас говорить о нем только правду, не осуждая его, “констатировать то, что было” (Ваши слова). И правда оказывается лучшим адвокатом В(алери)я Я(ковлеви́)ча, если уместно говорить об оправдании того, что в оправдании не нуждается. Подчеркивая раннее чуждое нам мировоззрение Брюсова, мы только подчеркиваем его заслугу, величие, масштаб его эволюции.

Поэтому нельзя не указать на антидемократизм культуры символизма, и в частности Брюсова. {...}

Я хочу, чтобы Вы поняли, что я не мог не считаться с *историческим* Брюсовым – таким, каким он был. Я хочу также, чтобы Вы увидели, что вся авторская *воля* в моей статье направлена к тому, чтобы вскрыть в далеком от нас Брюсове – близкого и дорогого нам Брюсова {...} Для осуществления этой цели более достойным Вал(ери)я Як(овлеви́)ча является не стиль оды, а честная и объективная идеологическая характеристика».

Нет сомнений в том, что в 60–70-е годы Д.Е. Максимов уже не повторил бы некоторых формулировок своего письма (например, однозначных слов о “чуждости” мировоззрения Брюсова, об “ограничительном” восприятии культурного наследия XIX в. и т.п.), отзывался бы о них иронически. Однако другая особенность, проявившаяся уже в 30-е годы, – стремление не “выпрямлять” Брюсова, не замалчивать его явные противоречия, не сглаживать неровности его творческого пути – отличает и

более поздние исследования Д.Е. Максимова. Вдвойне примечательно это стремление на фоне тенденций, преобладавших в ту пору в историко-литературной науке и сводившихся к затушевыванию реальной сложности и многообразия явлений и подведению их под догматически однолинейные и безапелляционные оценки-приговоры; красноречивым воплощением этих тенденций служила книга Г. Лелевича “В.Я. Брюсов” (1926), полная притязаний на “установочность” по отношению к задачам дальнейшего осмысления творческого наследия одного из крупнейших поэтов начала XX в.

На рубеже 1937–1938 гг. выходит из печати “символистский” том “Литературного наследства” (т. 27–28) со статьей-публикацией Д.Е. Максимова «Валерий Брюсов и “Новый путь”». Выполненная на материале писем Брюсова к П.П. Перцову, эта обстоятельная работа и поныне не утратила своего значения в науке. В том же томе “Литературного наследства” предполагалось появление и другой работы Дмитрия Евгеньевича – «История “Весов”»; статья была доведена до стадии набора. «Сегодня целый день провел за чтением 2-й корректуры моей статьи о “Весех”, – писал он И.М. Брюсовой 22 ноября 1937 г. – Обезобразили ее еще больше, чем “Поэзию Брюсова” в “Лит(ературной) учебе”. Думаю: не снять ли ее вовсе». По всей видимости, ученый так и сделал (и этим поступком лишний раз подтвердил характерное для него высокое понимание литературоведческого труда и профессиональной чести!).

В середине 30-х годов И.М. Брюсова и Н.С. Ашукин, приступая к подготовке многотомного издания сочинений Брюсова, предложили Д.Е. Максиму взять на себя редактирование тома статей. Выбор был сделан не случайно: критическая проза Брюсова уже тогда привлекала к себе его внимание. Именно Д.Е. Максиму принадлежит заслуга выявления и публикации ряда неизвестных брюсовских статей¹¹. В письме от 8 января 1938 г. он запрашивает И.М. Брюсову о судьбе статьи Брюсова “In tyrannos”, желая напечатать ее в журнале “Звезда”¹². Однако в то время его старания не увенчались успехом. Лишь гораздо позднее реализовались и немалые усилия Д.Е. Максимова, затраченные на подготовку издания статей Брюсова, – дело, за которое ученый взялся с огромным энтузиазмом (“Этому делу я могу посвятить любое количество времени и отложить ради него все другие свои работы”, – писал он И.М. Брюсовой 27 апреля 1936 г.). Наиболее достойным и полным образом его многолетний труд по освоению критической прозы Брюсова воплощен в 6-м томе Собрания сочинений в 7-ми томах (1975), открывающемся статьей Д.Е. Максимова “Брюсов-критик”. Та же статья открывает 2-й том двухтомного издания “Сочинений” Брюсова, вышедшего в свет в издательстве “Художественная литература” в 1987 г. уже после кончины ученого.

На фоне постоянных срывов и препон процесс работы Д.Е. Максимова над книгой “Поэзия Валерия Брюсова” представляется относительно быстрым и безболезненным. «...Наконец, мое давнишнее желание, кажется, исполняется. Мне официально объявлено, что заявка моя на монографию “Поэзия В. Брюсова” принята и одобрена во всех инстанциях», – сообщает Д.Е. Максимов И.М. Брюсовой 3 декабря 1938 г. Весь 1939 г. ученый провел в работе над этой книгой, которую – еще до выхода ее в свет 21 мая 1940 г. – он успешно защитил в качестве кандидатской диссертации. “...Пришлось порядочно поругаться, – рассказывает он И.М. Брюсовой в письме от 23 мая. – Один из моих оппонентов, проф. Гуковский, произнес антибрюсовскую речь, на которую я реагировал довольно яростно. (...) Диссертация моя проходила при переполненной аудитории, в присутствии всего литер(атурно)го бомонда: интересуются, значит, Брюсовым”¹³. Присутствовавший на защите профессор П.Н. Берков, также исследователь творчества Брюсова и его глубокий знаток и почитатель, внес предложение Ученому совету – безусловно, вполне оправданное – о присуждении Дмитрию Евгеньевичу за его работу не кандидатской, а докторской степеней.

Монография “Поэзия Валерия Брюсова” (Л., 1940) содержит подробный и вдумчивый разбор стихотворного наследия поэта, предпринятый впервые в нашей историко-литературной науке, – от его ранних, ярко индивидуалистических “декадентских” произведений до последних экспериментальных опытов в духе “научной поэзии”. Отмечая (и несколько утрируя в духе тех лет) погруженность поэта “в недра капитали-

стической действительности” и его отход “от наследства демократического гуманизма” (с. 14), Д.Е. Максимов считал своей первоочередной задачей подчеркнуть неприятие Брюсовым “страшного мира”, которому он сопротивлялся “всей человечностью своей природы, всей трезвостью своего разума и всем живущим в нем чувством красоты” (с. 59). Изживание Брюсовым символистской поэтики отнюдь не знаменует для Д.Е. Максимова нового расцвета его творчества; напротив, он констатирует, что уже в эпоху создания “Зеркала теней” (т.е. в 1909–1912 гг.) “в творческих силах Брюсова начала обнаруживаться убыль” (с. 238), а его послеоктябрьские стихи осмысляет прежде всего как “идеологический вывод” из предшествующего творчества (с. 270). Художественный критерий неизменно был основополагающим для ученого; историко-литературный анализ всегда соотносился у него с изначальной эстетической оценкой.

В книге широко использованы ценнейшие документальные материалы, впервые введенные в читательский обиход Д.Е. Максимовым. В целом для исследовательского метода ученого характерно стремление подкреплять надежной эмпирической основой свои концепции и построения; в работах о литературе начала XX в., писавшихся в те годы, этот принцип соблюдался далеко не повсеместно. Книга Д.Е. Максимова 1940 г. во многих отношениях может считаться новаторской. Она выгодно отличалась от большинства работ того времени, превозносивших Брюсова за его “преодоление” символизма и искажавших эволюцию его мировоззрения и творчества под знаком политической позиции, занятой поэтом после Октября. Д.Е. Максимов понимал и интерпретировал Брюсова глубже и проницательнее многих своих современников, однако его суждения и оценки также несли на себе печать эпохи, определенные следы воздействия вульгарно-социологической методологии и общераспространенных в ту пору “обличительных” определений. Именно поэтому в позднейшие годы Дмитрий Евгеньевич отзывался о своей первой книге о Брюсове чаще всего в скептической тональности; характерна в этом отношении надпись, которую он сделал в 1975 г., даря “Поэзию Валерия Брюсова” одному из авторов этих строк (и обыгрывая цитату из стихотворения Ф.И. Тютчева “Она сидела на полу...”): “{...} книгу, на которую я смотрю

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело”.

Но, возвращаясь в разговорах к этой теме, он всякий раз считал необходимым подчеркнуть, что “признаки времени” в книге не были – а если в чем-то и были, то не в самом главном – изначальной уступкой тогдашним “правилам игры” и редакторским требованиям, что за социологической фразеологией скрывалась значительная доля искреннего убеждения и доверия тем приемам и формам литературоведческого анализа, которые в 30-е годы были едва ли не повсеместными.

Годы войны Д.Е. Максимов провел в Иванове (1942–1943) и Казани (1944). 6 сентября 1942 г. он сообщал И.М. Брюсовой, что для ближайших Ученых записок Ивановского педагогического института (Дмитрий Евгеньевич преподавал в нем русскую литературу) собирается подготовить письма Брюсова к С.А. Венгерову и статью под названием “Заметки о стихе Брюсова” (издание тогда не состоялось). Затем переписка прерывается до конца 1945 г. 12 мая 1946 г. Д.Е. Максимов рассказывает о себе: “Я продолжаю работать над книгой о Блоке. Но и Вал(ерия) Яковлевича не совсем забыл: недавно написал статью о метрических формах его стиха”¹⁴. Впрочем, в идеологической обстановке послевоенного времени, омраченного гонениями на интеллигенцию под предлогом борьбы с “безыдейностью”, “упадочничеством”, “формализмом”, “космополитизмом” и т.д., когда под особо ожесточенный критический обстрел попадала художественная культура “серебряного века”, было непросто напечатать и эту небольшую работу. «Нас, литературоведов, как Вы знаете, здорово ругают, – пишет Дмитрий Евгеньевич 5 января 1948 г. – Раз как-то и мне попало, – но пока не очень сильно. (...) В списке экзаменац(и)онных билетов один отведен Брюсову, в моем столе лежит студенческая работа “О творческом методе Брюсова”. В “Ученых записках” печатается моя статейка “Из предварительных наблюдений над метрическими фор-

мами в поэзии Брюсова” (ученое название – не правда ли?). Значит, пока еще живем. Живет и память Вал(ерия) Яковл(евич)а (...) Желаю успехов в Ваших боях за Брюсова»¹⁵. Работа о метрике Брюсова, как и публикация подготовленной Д.Е. Максимовым в то же время статьи Брюсова “Что же такое Бальмонт?”, была доведена уже до второй корректуры, но тем не менее в свет не вышла. 27 января 1950 г. Д.Е. Максимов с грустью сообщает И.М. Брюсовой, что “не только статья, но и все Ученые записки оказались разобранными (...) Теперь о печатании пока не думаю”. И другое горькое признание из того же письма: “(...) все блоковские и брюсовские темы пришлось оставить”.

В последующие годы Д.Е. Максимов занимается в основном поэзией Лермонтова; этой теме посвящена его докторская диссертация (1965). Правда, в декабре 1950 г. ему удается заключить договор на книгу стихотворений Брюсова для малой серии “Библиотеки поэта”. “Общая установка издания: дать не столько характерные для Брюсова стихи, сколько стихи, приемлемые для нашей современности. Художественные качества стихотворений не должны быть основным критерием отбора. В этом отношении наше издание будет отличаться от всех предыдущих”, – рассказывает он с горьким юмором И.М. Брюсовой 20 февраля 1951 г. В последующих письмах Дмитрий Евгеньевич описывает перипетии своей “борьбы” с издательством по поводу состава книги, вступительной статьи и т.д. “... Что и говорить: издание Бр(юсо)ва – дело кровопролитное, – восклицает он 13 января 1952 г. – Проливается кровь и редакторов, и рецензентов, и – самое главное – самого поэта. Даже из Горького многое исключается. Что же говорить о Брюсове!” К осени 1952 г. книжка стихотворений Брюсова в “Библиотеке поэта” увидела, наконец, свет, но составитель считал это издание испорченным. «Чуть ли не за каждое стихотворение пришлось мне проливать кровь. Что стоил мне, напр(имер), “Ассаргадон”! Но, конечно, десятки нужных стих(отворен)ий редакторы выбросили. Статью тоже порядочно поломали, – сократили на целый печ(атный) лист».

Глубокие перемены в общественной жизни страны устранили к середине 50-х годов часть “ограничений” в отношении символизма. Уже в конце 1953 г. оказалось возможным провести в Москве юбилейные публичные чтения, связанные с 80-летием Брюсова¹⁶. “Очевидно, фортуна – медленно и скрипуче, – но все-таки начинает поворачиваться лицом к Вал(ерию) Яковл(евичу)”, – делится Д.Е. Максимов своими надеждами с И.М. Брюсовой 11 января 1954 г. В это время он готовит (совместно с М.И. Дикман) сборник стихотворений Брюсова, изданный в Минске в 1955 г. В Москве же выходит двухтомник “Избранных сочинений” Брюсова, подготовленный И.М. Брюсовой, Н.С. Ашукиным, А.А. Ильинским и др. Рецензентом этого издания был Д.Е. Максимов; еще в конце 1951 г. он написал о нем подробный внутренний отзыв. К 1956 г. относится замысел “Стихотворений и поэм” Брюсова для большой серии “Библиотеки поэта”; подготовленная к печати Д.Е. Максимовым и М.И. Дикман, эта книга была издана в 1961 г. 24 января 1961 г. Дмитрий Евгеньевич пишет, что книга “Стихотворений и поэм” должна быть “лучше всех остальных и по выбору текстов, и по их редактированию, и по комментариям”. В том же письме (одном из последних) говорится: «А Вал(ерия) Яковл(евича) продолжают изучать, особенно в Армении. Григорьян скоро напечатает о нем книгу “Вал(ерий) Брюсов и Армения”¹⁷. Мой аспирант в Лен(инградском) Университете пишет диссертацию “Вал(ерий) Брюсов советского периода”¹⁸. Студенты пишут о нем дипломные работы. Не так еще плохи дела!»

В новую эпоху, когда символистская тема перестает быть “полулегальной” (выражение Д.Е. Максимова), ученый переносит свое внимание в основном на творчество Блока. В 60–70-е годы им был написан ряд фундаментальных работ (о критической прозе Блока, об идее “пути” в поэтическом сознании Блока), определивших дальнейшее развитие советского блоковедения. Углубляя свою задачу, поставленную еще в 30-е годы, Д.Е. Максимов стремился выявить нравственное, “гуманистическое” начало в Блоке – человеке “страшного мира”, чей путь лежал между “светом” и “мраком”, “памятью” и “беспамятством”, сочетал в себе движение “вперед” с движением “по кругу”.

Что касается Брюсова, то многолетние усилия Д.Е. Максимова, связанные с этим поэтом, находят убедительное завершение в книге “Брюсов. Поэзия и позиция” (1969). Написанная на основе и по канве книги 1940 г., эта работа отнюдь не является ее повторением, она целиком и полностью принадлежит эпохе 60-х годов. В ней устранены догматические формулировки и характеристики, соответственно изменена и стилистика – ощутим уже тот выразительный, самостоятельный научный язык, отличающийся одновременно яркой образностью и терминологической точностью, который присущ поздним работам Д.Е. Максимова. Смещены и некоторые акценты; так, основные тенденции поэзии Брюсова даны как бы в свете человеческой индивидуальности и литературной позиции. “Личность есть причина поэзии...”, – подчеркивал автор в своем кратком вступлении (с. 6). Ученый стремился к тому, чтобы приблизить свою вторую книгу о Брюсове к современному читателю, и своей задачи достиг: при всей своей относительной краткости очерк, написанный Д.Е. Максимовым, служит надежным ориентиром в проблематике творчества Брюсова, позволяет осмыслить его литературный путь в тесной связи с исторической реальностью и стадиями развития русского символизма. При повторном издании очерка в составе книги “Русские поэты начала века” (1986) Д.Е. Максимов расширил прежний текст, внес некоторые коррективы в свои оценки и характеристики, отразил сведения из новейших работ о Брюсове и из многочисленных публикаций последнего времени¹⁹. Этот вариант очерка является последним и итоговым словом исследователя о Брюсове. В ходе подготовки книги к печати Д.Е. Максимов не раз признавался, что новое возвращение к Брюсову и освоение введенных в научный обиход новых материалов позволили ему не только обогатить фактическую сторону своего исследования, но и увидеть в ином ракурсе ранее знакомое и даже распознать и понять те черты личности “мэтра” русского символизма, на которые он ранее не обращал достаточного внимания. Если бы судьба даровала Дмитрию Евгеньевичу более продолжительную жизнь, возможно, эти импульсы привели бы его к новой исследовательской теме, связанной с Брюсовым...

Научно-литературное наследие Д.Е. Максимова не сводится, как известно, к работам о Брюсове, Блоке, Лермонтове. Значительное место в нем занимают превосходно написанные очерки об Андрее Белом, Ахматовой, Заболоцком, Р.В. Иванове-Разумнике и др. Кроме того, Д.Е. Максимов всю жизнь писал стихи (небольшой их сборник был издан – под псевдонимом Игнатий Карамов – в 1982 г. в Лозанне). Все это отражает свойственное Д.Е. Максиму “синтетическое” восприятие культуры, при котором учитываются и полноправно сосуществуют самые далекие и разные ее аспекты. Научный метод Максимова всегда отличался многоплановостью и глубиной, стремлением к широте, к выходу за рамки исследуемой литературы, страны, эпохи. Исходя из малого (скажем, отдельного стихотворения), Д.Е. Максимов не только погружался в его истоки, но и нередко “отдалялся” от них, исследуя родственные или близкие явления. В поле зрения ученого оказывались огромные исторические и даже “космические” пласты – вся “безграничность жизни”. Всегда заботясь о том, чтобы литературоведческая наука не превратилась в прикладное ремесло и не утратила своего “человеческого” содержания, Д.Е. Максимов в предсмертном автобиографическом очерке сформулировал основные положения своего “credo”; оно обращено в будущее и видится нам как своего рода духовное завещание ученого:

«Хотелось бы, – пишет Д.Е. Максимов, – чтобы наша “наука” (беру это слово в кавычки), сознавая свое индивидуальное лицо в необозримом потоке общечеловеческих знаний, вместе с тем ни при каких условиях не отделялась бы от него, от жизни вообще в особую изолированную отрасль.

Хотелось бы, чтобы она несла в себе высокие гуманистические ценности духа: истину в каждом слове, совесть, красоту, добро – в понимании виденного и в самом видении. Хотелось бы, иными словами, чтобы она была человечески направлена, содержала бы в себе действенное начало, активную волю к благу, хотя бы потенциально. Хотелось бы, чтобы в наших исследованиях, там, где это возможно, был сокращен до

минимума схематический подход и соблюдалась осторожность в идеологических оценках (...)

Хотелось, чтобы в основе исследования лежало историческое понимание вещей – и не только “микроисторизм”, связь с малым, текущим временем, исторической “злойбой дня”, но и “макроисторизм”, влияние веков, тысячелетий, эр, духа наций в целом, вплоть до праисторизма мифологической эпохи (...)

Хотелось бы, чтобы наша наука, мысля действительность как художественный текст, не разделяла бы в нем по существу (в анализе) содержание и форму, которые сами по себе в самой литературе единосущны – более, чем синтетичны».

К этому остается добавить, что высокая всеобъемлющая культура, к которой мысленно стремился Дмитрий Евгеньевич, изнутри пропитывала его собственную личность, творя неповторимый человеческий облик, навсегда запомнившийся его друзьям и ученикам.

К.М. Азадовский, А.В. Лавров

¹ “О себе” (автобиограф. заметка). Хранится в неразобранной части архива Д. Е. Максимова в ГПБ (ф. 1136).

² Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 377–378.

³ См.: *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Ст. и материалы. Л., 1930. С. 85–128.

⁴ Письма Д.Е. Максимова к И.М. Брюсовой хранятся в фонде Брюсова в ГБЛ (ф. 386, 150. 73–77). Далее письма цитируются без указания архивных шифров.

⁵ Связаться с С.А. Поляковым тогда было непросто, поскольку он вплоть до конца 1930 г. находился в ссылке в Ташкенте. 7 января 1931 г. И.М. Брюсова извещала Д.Е. Максимова: «Про Полякова слышала, что должен вернуться, но не дошло до меня сведения, что Поляков уже здесь. У Сергея Александровича здесь большая родня, в Москве, но все это “бывшие”, так что трудно их разыскивать, я попытаюсь, думаю, что найду. На всякий случай напишите Екатерине Алексеевне Бальмонт (...) она тоже ему родня, ее сестра была замужем за братом С.А.» (ГПБ. ф. 1136. Ед. хр. 13). Сделанные Д.Е. Максимовым в те годы записи по истории “Весов” были использованы значительно позднее в работе: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и “Весы” // *ЛН*. Т. 85. С. 257–324.

⁶ ГБЛ. Ф. 369, 268. 25. Л. 2.

⁷ Рецензия напечатана в журнале “Звезда” (1935. № 2. С. 250–252). В письме к Д.Е. Максиму от 25 января 1935 г. И.М. Брюсова рассказывала историю подготовки этой книги (Неизданная проза. “Юпитер поверженный” и фрагменты других исторических рассказов / Ред. И.М. Брюсовой. Ст. И.М. Брюсовой и Игоря Поступальского): «Вспомнила, что Вы собираетесь ругать Поступальского за комментарии к “Юпитеру”, но Поступальский их не составлял. Это мои комментарии и некоего Узина, имя которого по типографской ошибке, до сих пор не могу понять каким образом, отпало (...) я сдала большой сборник Гихлу рассказов Брюсова. Исторические составляли в нем один лишь отдел. Комментарии сделала я короткие, скромные по историческому словарю Bouillet и др. имеющ(имся) у нас прежним источникам. Мои комментарии переданы были для проверки т. Узину, который пополнил мои (...) Узин остался недоволен, хотя я убедила его, что нельзя же, чтобы комм(ентарии) были втрое больше книги. По его настоянию книга была сокращена. Утешился Узин гонораром, который успел получить, и за все комм(ентарии) и за редакцию и даже за мои статьи» (ГПБ. Ф. 1136. Ед. хр. 13).

⁸ Имеется в виду статья “Творческий путь А. Блока” (Лит. учеба. 1935. № 6. С. 41–78). Видимо, разделяя оценку Л.Д. Блок, Д.Е. Максимов исключил позднее эту статью, наряду с некоторыми другими своими работами тех лет, из своей юбилейной библиографии (см.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции “Творчество А.А. Блока и русская культура XX века” / Сост. Р.Е. Помирчий. Тарту. 1975. С. 7–10).

⁹ Высказывая в этом письме общую благосклонную оценку статьи (“Много в ней эрудиции, много философии, должно быть, правильная марксистская установка. Многое дано так, как я мыслить не умею. Вообще, надо думать, что она благожелательна Брюсову”) и сообщая свои замечания по частным вопросам и формулировкам, И.М. Брюсова заключала: “Во всей вашей статье нет четкости, нет образа большого интересного писателя, о котором потомки должны знать. А есть какой-то писатель из другого лагеря, которого мы, по разным причинам, притянули и должны как-то всеми силами и потугами принять в число достойных. Все, что в таком случае можно сделать, вы сделали, но, понятно, сделать это трудно. (...) Ваша статья для посвященных не нужна, для массового читателя трудна и неясна, для нас – неискренна” (ГПБ. Ф. 1136. Ед. хр. 13).

¹⁰ 29 сентября 1937 г. И.М. Брюсова писала Д.Е. Максиму: «А статью Вашу я нашла, после всех редакторских исправлений, в достаточной степени, как теперь говорят, “вульгарно марксистской”. Верю, что Вы не повинны в этом. Я нисколько на вас не пеняла за такое невольное писание» (Там же).

¹¹ В 1940 г. Д. Е. Максимов опубликовал статью Брюсова “Апология символизма”, в 1956 г. – его статью “Что же такое Бальмонт?” (см. указанную выше библиографию Д.Е. Максимова, составленную Р.Е. Помирчим).

¹² Публикация не состоялась. В письме к И.М. Брюсовой от 2 апреля 1938 г. Д.Е. Максимов рассказывает: «"Звезда" устами зав(едающего) лит(ературным) отделом и зав(едающего) редакцией уверила меня в том, что статьи В(алерия) Я(ковлевича) будут напечатаны в № 5. И вот оказалось, что ответств(енный) редактор и, как я до сих пор думал, культурный человек Ник(олай) Тихонов – против. Говорит, "не актуальный материал". Даже жалко этих готтентотов! Попробую связаться с другими журналами».

¹³ 8 июня 1940 г. И.М. Брюсова отвечала на это письмо: "Радуюсь за Вас, за Ваши успехи. Смотрю на Вас все же как на героя. Работать над Брюсовым в наши дни неинтересно, неприбыльно. Есть какой-то рок" (ГПБ. Ф. 1136. Ед. хр. 14).

¹⁴ Статья под названием "О стихе Брюсова. (Из предварительных наблюдений)" была опубликована в 1959 г. (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 198).

¹⁵ Под "боями за Брюсова" Д.Е. Максимов прежде всего подразумевает хлопоты, связанные с подготовкой 6-томного собрания сочинений, тогда так и не увенчавшиеся успехом. 20 декабря 1950 г. И.М. Брюсова писала Д.Е. Максиму: "В Гослитиздате у меня с Брюсовым, кратко говоря, – сказка про белого бычка. ... В 35 году был намечен Брюсов в 12 томах, в каких-то годах – 6-томный был объявлен, после войны сказали, что 3-томного довольно. Ныне собран один том стихов..." (ГПБ. Ф. 1136. Ед. хр. 14).

¹⁶ В связи с юбилеем Д.Е. Максимов предлагал "Литературной газете" статью о Брюсове. "Но они отнеслись к этому довольно вяло" (из письма к И.М. Брюсовой от 10 декабря 1953 г.).

¹⁷ Григорьян К.Н. В.Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962.

¹⁸ К.С. Герасимов.

¹⁹ Отзывы на эту книгу, помимо разбора ее содержания, включают и оценку всей творческой деятельности Д.Е. Максимова. См.: Пискунов В. Далекое – близкое // Лит. обозрение. 1987. № 5. С. 63–65; Азадовский К.М. Последний труд ученого // Нева. 1987. № 11. С. 188–189; Куприяновский П.В. Века в изучении поэзии начала XX века // Рус. лит. 1987. № 4. С. 24–219; Магомедова Д.М. На страже духа и культуры... (Д.Е. Максимов – исследователь русской литературы XX в.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 2. С. 186–192. См. также: Ильюнина Л., Долматова Г. Дмитрий Максимов // Сборник Матице српске за славистику. 1989. № 36. С. 195–207; Ильюнина Л.А. Создатель русской науки о символизме: (Материалы из архива Д.Е. Максимова) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. научн. трудов. Л., 1989. С. 145–166; О себе. Автобиографич. заметка Д.Е. Максимова / Опубл. Антонеллой Д'Амелия // Europa orientalis. 1989. № 8. Р. 569–577. В ряду работ, посвященных Д.Е. Максиму, отметим также: Лотман Ю.М. Поэзия науки (К 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала века. Блоковский сб. VII (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 735). Тарту, 1886. С. 3–6; Азадовский К. Пропорция мрака и света. О стихах Д.Е. Максимова // Лит. обозрение. 1988. № 4. С. 108–112; Топоров В.Н. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сб. [Вып.] 1. Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 13–29; Куприяновский П.В. Д.Е. Максимов — исследователь русской поэзии // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сб. IX. Памяти Д.Е. Максимова (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857). Тарту, 1989. С. 3–10; Каменская В.А., Минц З.Г. Первый блоковский (диалог-воспоминания) // Там же. С. 11–21; Топоров В.Н. Стихи Ивана Игнатова. Представление читателю // Там же. С. 22–43.